

КРИТИКА УНИВЕРСАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: ПАРАЛЛЕЛИЗМ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ ПРОЕКЦИЙ

М.А. Можейко*

Белорусский государственный университет культуры и искусств,

г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: marina-mojeiko@yandex.by

***Аннотация.** Среди методологических трансформаций современной науки важное место занимает отказ от жесткой номотетики и ориентация на идиографические способы описания объекта. Статья выявляет предпосылки формирования этой установки и демонстрирует, что данный процесс протекает как в рамках естественных наук (в синергетике), так и в контексте гуманитаристики (в постмодернистской философии).*

***Ключевые слова:** универсализм, номотетика, нелинейность, синергетика, постмодернизм, идиографизм.*

Важнейшей парадигмальной характеристикой науки постнеклассического типа выступает переориентация с номотетического (от др.-греч. νόμος – закон и θέω – устанавливать), то есть генерализирующего метода на метод идиографический (от др.-греч. ἴδιος – своеобразный и γράφω – пишу), то есть индивидуализирующий. Между тем наука классического и неклассического типов делала акцент на номотетике: крылатое латинское выражение *scientia non est individuorum* подчеркивает, что наука не занимается исключительными случаями, ее задача – формулировка общих законов и универсальных теорий.

Подчеркивая правомерность обоих способов рассмотрения реальности, Г. Риккерт отмечал в свое время, что по причинам исторического характера «генерализирующий метод» в европейской культурной традиции воспринимается в качестве «универсального метода», а применение его выступает критерием «научной работы вообще» [11, с. 25, 26]. Естествознание возникает в культуре задолго до дисциплинарного становления гуманитаристики, и его канон закрепляется в новоевропейской культуре как эталон научности как таковой. Гуманитарное познание с его спецификой предмета и, соответственно, метода возникает уже в этом контексте, сталкиваясь с теми культурными ожиданиями, которые предполагают необходимость для него вписаться в этот чужой канон. При этом сама идея анализа единичного, индивидуального, специфически неповторимого

---

* *МОЖЕЙКО Марина Александровна* – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств.

отвергалась классическим естествознанием, объявляясь прерогативой гуманитарных дисциплин, которым – именно в силу этого обстоятельства – практически отказано было в безусловном научном статусе. Так, Г. Риккерт фиксирует наличие современного ему культурного стереотипа, утверждающего, что история «не есть настоящая наука» [11, с. 10].

Ситуацию изменило формирование в современной культуре концепции нелинейных динамик, которая сформировалась в естествознании (в первую очередь, в синергетике) и в гуманитаристике (философия постмодернизма). Взгляд на мир через призму нелинейности изменил статус идиографического подхода к действительности: и в естествознании, и в гуманитарной сфере эксплицитно зафиксирован конец презумпции универсализма. Фактически может быть зафиксирован параллелизм тех концептуальных и парадигмальных предпосылок, которые фундировали собой становление синергетической парадигмы в естествознании, с одной стороны, и постмодернизма – с другой.

Примечателен и тот факт, что радикальные парадигмальные сдвиги, предшествующие сдвигам современным, связанным со становлением синергетики и постмодернизма, в свою очередь, были связаны – как в естественном, так и в гуманитарном направлении – с идеей уникального события, отказом от универсализма.

В качестве таких синхронных предпосылок могут быть выделены следующие:

- акцентировка идеи уникального события (фиксация времени в космологии, интерпретация возникновения жизни как «исключительного события» (Ж. Моно) в биологии – идеи уникальной индивидуальности в экзистенциализме и персонализме, моделировании истории как разворачивающейся через моменты кайроса у П. Тиллиха);

- поворот от центрации внимания на статике к фокусировке его на динамике (понимание элементарной частицы в качестве процесса в квантовой физике – идея отказа от традиционной онтологии в неклассической философии);

- акцентировка субъектного блока субъект-объектной оппозиции (идеи копенгагенской школы в естествознании – выдвижение на передний план фигуры субъекта восприятия художественного произведения в эстетике: В. Беньямин, М. Дюффрен, М. Дессуар);

- снятие жесткой оппозиции между субъектным и объектным полюсами субъект-объектной оппозиции (трактовка приборной ситуации как нахождения наблюдателя внутри наблюдаемой реальности – понимание бытия интерпретатора как жизни в мире текстов: версия герменевтической концепции, предложенная Э. Коретом, идеи структурного психоанализа о вербальной артикуляции бессознательного);

- идея плюрализма языков описания объекта, отказ от попыток поиска единой формулы бытия (формулировка принципа дополнительности, разруше-

ние квантовой механикой иллюзии о возможности единого языка описания макро- и микро-процессов – модернистская практика культурного эклектизма);

– переориентация с идеи точного предвидения будущих состояний и форм поведения объекта на идею вероятностного прогноза (феномен движения без траектории в физике элементарных частиц – развитие статистических методов в социологии, идеи К. Леви-Стросса о «статистической антропологии» наряду со «структурной»);

– внимание к феномену контекста (физико-математический анализ значений функций в конкретных суперпозициях – акцент лингвистики на коннотативных смыслах).

В свете эволюции идеалов описания и объяснения это означает признание того обстоятельства, что адекватное описание нелинейного процесса возможно лишь как комплекс взаимодополняющих описаний.

Так, для современной гуманитаристики характерна презумпция, в свое время выраженная в программном тезисе Х. Арндт: «неосязаемые идентичности <...> ускользают от любых генерализаций» [1, с. 138]. В контексте постмодернизма исходные основания бытия интерпретируются как сингулярности, то есть единичности, принципиально противящиеся любой попытке универсализации [3, с. 128–138].

И «постмодернистская чувствительность», по оценке В. Лейча, в целом «акцентирует случайности, а не универсальные правила..., различия, а не тождественности» [13, р. 143].

Подобный отказ от идеи *общего правила*, фундирующий собой методологическую интенцию против номотетики, ярко проявляется в постмодернистской текстологии: и в процессе своего создания (*письмо*), и в процессе своего функционирования (*означивание*) всякий текст в каждом акте своей семантической актуализации мыслится в качестве уникального и неповторимого события, ни в коей мере не подчиненного универсальным правилам письма или чтения. Постмодернистские тексты трактуются их авторами как в принципе не подчиняющиеся заранее установленным правилам: им нельзя вынести окончательный приговор, применяя к ним общеизвестные критерии оценки, ибо эти критерии и правила не предшествуют тексту, как имплицитно предполагалось в классической культуре, но, напротив, именно они суть предмет поисков, которые ведет текст. Собственно, последний и создается с той целью, чтобы сформулировать правила того, что еще только должно быть сделано (именно этим и обеспечивается тот факт, что произведение и текст обладают характером события). Иными словами, по Р. Барту, «всякий текст вечно пишется здесь и сейчас» [2, с. 387].

Аналогично постмодернистские версии философии истории фактически основаны на идее отказа от сциентистски (то есть номотетически) ориентированных методов дисциплинарной истории.

Эксплицируя методологические основания *генеалогии* как модели исторического процесса, М. Фуко фиксирует ее программный идиографизм: «история, генеалогически направляемая, имеет целью не обнаружить корни нашей идентичности, но, напротив, упорствовать в ее рассеивании, она стремится не к тому, чтобы обнаружить единый очаг, из которого мы вышли, ... но к тому, чтобы выявить все разрывы» [12, с. 95].

В этом парадигмальном ключе доминирующей и практически исчерпывающей формой современных социальных отношений становятся, как констатирует М. Постер, не функциональные, но индивидуализированные субъект-субъектные отношения [14]. Однако и в субъект-субъектном контексте постмодернизм однозначно постулирует парадигму *доминирования Я над Мы*, причем и само *Я* в принципе единично и не подлежит определению через указание на ближайший род и видовые отличия, ибо, согласно Ж. Делезу, «каждая личность – это единственный член своего класса» [3, с. 146].

Согласно позиции постмодернизма, именно и только такой подход позволяет увидеть в истории реально сложный, богатый возможностями и принципиально нелинейный процесс, а не заранее наложенную на него спекулятивную схему однозначных причинно-следственных цепочек, исключаящую любую случайность и любое выбивающееся из общего правила явление как то, чем можно пренебречь. Именно радикальным отказом от подобного метода фундирует М. Фуко свою генеалогию: если в традиционной дисциплинарной истории, усилия «направлялись на то, чтобы вытянуть... точную суть вещи, ее полную чистую возможность, ее идентичность, тщательно замкнутую форму, предшествующую всему внешнему, случайному и последующему. Искать такое происхождение – значит ... считать случайными все те перипетии, которые могут иметь место» [12, с. 79].

Радикальный отказ от номотетики характерен и для постмодернистского понимания человека, – более того, именно он лежит в основе пафосного провозглашения постмодерном свободы как свободы индивидуальности и независимости как независимости от идентификаций, каждая из которых мыслится как акт террора. Так, следующий пассаж М. Фуко может быть признан просто академическим образцом формулировки идиографического подхода: «речь идет не столько о том, чтобы обнаружить у индивида чувства или мысли, позволяющие ассимилировать его с другими и сказать: вот это грек, или это англичанин; сколько о том, чтобы уловить все хрупкие, единичные, субиндивидуальные метки, которые могут в нем пересечься и образовать сеть, недоступную для распутывания» [12, с. 81–82]. Исходя из этого, М. Фуко формулирует экзистенциальную цель человека как «систематическое растворение нашей идентичности» [12, с. 94].

Синтезируя идеи идиографизма в текстологии, философии истории и концепции личности, Ж. Делез пишет: «Эти три измерения – знания, власть и самость –... не ставят универсальных условий» [4, с. 244]. Исходя из ска-

занного, можно утверждать, что современный постмодернизм основывается на развитии идей идиографизма.

Соответственно, отказ от номотетики провоцирует и отказ от универсализма понятийного аппарата. Уже в раннем постмодернизме М. Мерло-Понти формулирует тезис о необходимости ориентации социального познания на поиск не выраженной в универсальном законе истины на все времена, но истины в конкретной ситуации.

Соответственно, понятийные средства мыслятся вне какой бы то ни было возможности выражения в них так называемого общего или универсального смысла: в постмодернистской философии (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр, Дж. Ваттимо, П. Вирилио, Р. Виллиамс и др.) оформляется эксплицитно выраженный критический вектор в отношении понятий, претендующих на статус максимальной общности: «история», «общество» и т.п. По формулировке Ж. Делеза, «не следует рассматривать ... слова как универсальные понятия, поскольку они являются лишь формальными сингулярностями [единичностями]» [3, с. 26].

Основополагающим программным требованием постмодернистской концепции науки становится радикальный отказ от любых попыток построения метаязыка. По Ж.-Ф. Лиотару, «наука не обладает универсальным метаязыком, в терминах которого могут быть интерпретированы и оценены другие языки» [6, с. 157]. Постмодернистская интерпретация научного познания постулирует сугубо нарративный, повествовательный, характер последнего, причем каждое повествование может строиться в своем специфичном языке, отнюдь не претендующем на универсальную приложимость. По мнению Ж.-Ф. Лиотара, «обращение к нарративности неизбежно, по крайней мере, в той степени, в какой [языковые] игры науки стремятся к тому, чтобы их высказывания были истинными, но не располагают соответственными средствами их легитимации» [6, с. 150].

Наиболее операциональным понятийным средством для описания социальных практик философия постмодернизма полагает такой концепт, как индивидуализация. Последняя рассматривается не только как прокламируемая основа социального порядка, но и как актуально работающий принцип организации социальности. Собственно, философия постмодернизма и специфицируется ее представителями на основании такого критерия, как утверждение установки на де-универсализацию, проявляющуюся по всем своим возможным регистрам: де-стандартизация, де-унификация, де-массификация и т.п., в чем, собственно, и усматривается представителями постмодернизма его гуманистический потенциал (М.А. Роуз, К. Кумар, С. Лаш, А.И. Зелигмен и др.).

Соответственно, приоритетной методологией, культивируемой в соответствующем этой культуре типе философствования, выступает акцентированно радикальный идиографизм, реализующий в своей практике, согласно оценке В. Лейча, высказанную культурой «мечту об интеллектуале, который ниспровергает ... универсалии» [13, pp. 157–158]. В сочетании с идеей децентрирован-

ной среды (номадологический проект Ж. Делеза и Ф. Гваттари, концепция диффузности власти М. Фуко и др.) идея отказа от номотетики обретает в постмодернизме исчерпывающе полную свою реализацию. По точной оценке М. Сарупа, в проблемном поле постмодернизма «больше невозможно пользоваться общими понятиями: они табуированы» [15, р. 106]. Уже ранняя версия постмодернизма выдвигает – в лице Ж. Батая – программное требование отказа от идентичностей, то есть выраженных в понятийном языке десигнатов неких общностей якобы идентичных сущностей. Согласно Ж. Батаю, существующее реализует свою неповторимую уникальность (не-идентичность) в так называемых суверенных моментах, определяемых Ж. Батаем в качестве актов смеха, эроса, жертвы, хмеля, смерти и т.п. Как отмечает по этому поводу П. Клоссовски, «язык (понятийный) делает бессмысленными учение и поиск моментов суверенности», – в этой системе отсчета со всей остротой встает вопрос: «каким образом содержание опыта может устоять... под натиском понятийного языка?» [5, с. 87, 88]. Единственным ответом на него может, по П. Клоссовски, быть отказ от понятийного универсализма, исход (как он полагает, аналогичный по своей значимости библейскому) «из рабства идентичностей», задаваемого посредством понятийного языка, – для этого «каждый раз ... ему вновь надо будет, исходя из понятий, идентичностей, прокладывая путь к раскрытию понятий, к упразднению идентичностей» [5, с. 89]. В альтернативу языку понятийному постмодернизм конституирует язык симулякров, «предложения которого не говорят уже от имени идентичностей» [5, с. 84].

Более того, с позиции постмодернизма, уже сам факт наличия «универсального метаязыка» выступает критерием наличия системной организации феномена и, следовательно, по оценке Ж.-Ф. Лиотара, признаком «террора» [5, с. 157]. Аналогичную позицию демонстрирует в этом вопросе М. Фуко: поскольку интерпретация предполагает трактовку в универсальном языке, введение в охватываемый им круг предметности (всегда, по определению, неполный), то, по оценке М. Фуко, «интерпретировать – это подчинить себя, насильно или добровольно» [12, с. 86].

Что касается перспективы, то постмодернизм, как пишет Р. Барт, предполагает фундаментальное и тотальное «разрушение метаязыка как такового» [2, с. 422].

Соответственно этому центральным понятием как концепции исторического времени Ж. Делеза, так и генеалогии М. Фуко, выступает понятие события как принципиально единичного и не поддающегося когнитивным процедурам генерализации без потери своей сущностной специфичности. По М. Фуко, «действительная история заставляет событие вновь раскрываться в том, что в нем есть уникального и острого», в то время как «силы, действующие в истории, ... всегда проявляются в уникальной случайности события» [12, с. 88, 89]. Ж. Делез трактует отдельное событие в качестве «сингулярности», то есть «единичности», «неповторимости», «оригинальности»,

«исключительности» [3, с. 83]: согласно Ж. Делезу, «сингулярная точка противоположна обыкновенному» [3, с. 73], то есть поддающемуся номотетическому описанию.

В соответствии с этим центральный предмет анализа постмодернистской философии истории («постистория») мыслится как *событийный поток* вне попыток выстраивания последнего в системно организованное целое.

Ж. Делез вводит понятие *идеального события*, чья неповторимость (то есть невписанность в общий закон, которая традиционным мышлением воспринимается в качестве случайности) на самом деле абсолютно атрибутивна, поскольку событийный поток представляет собой не более чем «совокупность <...> сингулярных точек, характеризующих математическую кривую, <...> поворотные пункты и точки сгибов» [3, с. 73].

В данном отрывке – в специфичной для постмодернизма терминологии – находит свое выражение та же идея, которая составляет и пафос мировоззренческих выводов синергетики: глобальные эволюционные сдвиги инициируются глубоко случайными и глубоко уникальными событиями, причем само событие существует лишь в качестве облака вероятностных точек (того, что у Ж. Делеза именуется «математической кривой»).

Синергетическое видение мира также предполагает отказ от жесткой номотетики: в отличие от классической естественно-научной парадигмы, базисным тезисом синергетики выступает «конец универсального» [10, с. 278]. Это обусловлено тем, что «при переходе от равновесных условий к сильно неравновесным мы переходим от повторяющегося и общего к уникальному и специфическому» [10, с. 54]. В качестве «стержневого момента» современного видения мира И. Пригожин выделяет «представление о неравновесности, ... открывающей возможность для возникновения уникальных событий» [9, с. 50].

Так же, как и постмодернистские авторы, И. Пригожин вводит понятие «события» для фиксации феномена, возникновение которого не подчинено универсальному закону, а потому обладает всей полнотой своеобразия и уникальным способом возникновения: «в неравновесной системе могут иметь место уникальные события и флуктуации, способствующие этим событиям» [9, с. 50]. Событие рассматривается синергетикой не в качестве необходимого этапа каузальной цепочки ($T_{n-1} \rightarrow T_n \rightarrow T_{n+1}$), но, напротив, в качестве непредсказуемого и спонтанного процесса («центр тяжести ... лежит не на понятии детерминистского развития, а на понятии события» [8, с. 17]. Так, флуктуация мыслится как феномен чистой событийности: она не вытекает с необходимостью ни из наличного состояния системы, ни из особенностей предшествующих этапов ее эволюции, но являет собой сингулярный всплеск в динамике того или иного параметра системы. Однако именно сингулярные события определяют пути ее эволюции: «отзвуки локальных событий разносятся по всей системе» [10, с. 237, 240]. В когнитивном отношении это означает, что «за пределами линейной области» состояние системы «уже не явля-

ется следствием общих законов... Необходимо специально изучать, каким образом стационарное состояние реагирует на различные типы флуктуаций» [10, с. 194].

Столь же далек от возможности быть выраженным в универсальном законе и механизм бифуркационного перехода: его разрешение является уникальным событием, осуществляющимся, как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, «в индивидуальном режиме»: «система как бы колеблется» перед выбором одного из нескольких путей эволюции, и знаменитый закон больших чисел... перестает действовать», – «роль того или иного индивидуального режима становится решающей. Обобщая, можно утверждать, что поведение “в среднем” не может доминировать» [10, с. 56, 235].

И. Пригожин вводит специальный термин, уточняющий понятие «события», а именно – понятие «события локального» (ср. с «сингулярным событием» у Ж. Делеза), подчеркивая его индивидуальную природу, не подчиняющуюся общим правилам [8, с. 11]. При анализе спонтанного возникновения процессов, которые приводят к пространственной ориентации исследуемой системы, было установлено, что разрыв постепенности в точке бифуркации и перескок неравновесной системы к новой упорядоченности ситуативен и уникален, никоим образом не являясь универсальным и ни в коем случае не подчиняясь общим закономерностям (аналогичные среды, подвергнутые аналогичным воздействиям, могут повести себя непредсказуемо иным образом).

Так, «в сильно неравновесной области не существует универсального закона, из которого можно было бы вывести заключение относительно всех без исключения систем. Каждая сильно неравновесная система требует особого рассмотрения. ...Поведение ее может быть качественно отличным от поведения других систем» [10, с. 200].

Соответственно, само понятие закона оказывается в данном контексте значительно трансформированным: если «законы равновесия обладают высокой общностью», «они универсальны» (то есть в равновесных условиях «поведению материи ... свойственна повторяемость»), то «вдали от равновесия начинают действовать различные механизмы, соответствующие возможности возникновения диссипативных структур различных типов» [10, с. 54]. Как констатируют И. Пригожин и И. Стенгерс, «и на макроскопическом, и на микроскопическом уровнях естественные науки отказались от такой концепции объективной реальности, из которой следовала необходимость отказа от новизны и многообразия во имя вечных и неизменных универсальных законов» [10, с. 378]. Современное естествознание приходит к признанию «невозможности априорного суждения о том, чем является рациональное описание ситуации», к «необходимости учиться у ситуации тому, как мы можем ее описать» [8, с. 7]. Соответственно, на мета-уровне синергетического подхода к миру система логических средств, предназначенных для фиксации процессов, основанных на уникальных событи-

ях и реализующихся в индивидуальных режимах, осмысливается как своего рода «повествовательная логика»: как пишет И. Пригожин, «логика описания процессов, далеких от равновесия, – это уже не логика баланса, а повествовательная логика (если... то...)» [8, с. 11].

Итак, повествовательная (в постмодернистской терминологии – нарративная) логика описания исследуемой предметности, – очевидно, что такая методологическая ориентация роднит синергетику с гуманитарными методологиями, – причем в наиболее специфичных, идиографически ориентированных их вариантах.

Это обстоятельство находит свое яркое выражение в конкретных моделях мировой динамики, выполненных на основе синергетического подхода и апеллирующих как к естественнонаучному, так и к социокультурному материалу. Так, концептуальная версия глобальной мировой динамики, предложенная Н.Н. Моисеевым, моделирует бифуркационные ветвления процесса, выстраивая концепцию истории в сослагательном наклонении, прочерчивая возможные варианты разворачивания исторического процесса (например, что было бы, «если бы принципы Нагорной проповеди были усвоены людьми и они действительно повлияли бы на поведение людей...» [7, с. 43]).

Следует отметить, что данная методологическая установка рефлексивно осмыслена и эксплицитно выражена классиками синергетики. Так, «Философия нестабильности» И. Пригожина содержит специальный раздел («Повествования в науке»), где формулируется вывод о том, что «современная наука в целом становится все более нарративной» [9, с. 52], то есть ориентированной на рассказ о событии, а не на формулировку универсальной закономерности.

Таким образом, если в контексте идеи «заката больших нарративов» постмодернизм постулирует программную плюральность нарративных практик, то и синергетика – исходя из анализа совершенно иного материала – приходит к методологически изоморфному выводу. Как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, «неустрашимая множественность точек зрения на одну и ту же реальность означает невозможность существования божественной точки зрения, с которой открывается «вид на всю реальность», делающий возможным «единственное» объективное «описание... системы; такой, как она есть» [10, с. 286]. С позиции синергетики, поиски единой концепции бытия, выражающей в общем законе всеобъемлющую гармонию последнего, есть не более чем «иллюзия универсального» [10, с. 69].

Подводя итоги, можно сказать, что:

1) становление концепции нелинейных динамик (как в естественно-научной, так и в гуманитарной областях) связано с радикальной критикой универсализма и актуализацией значимости единичного и уникального события;

2) в силу идиографической ориентации синергетической и постмодернистской традиций, в рамках их обеих оформляется программная ориентация на построение и восприятие знания в качестве нарративного (И. Пригожин, у Ж.-Ф. Лиотар и др.);

3) как в категориальном аппарате постмодернистской философии, так и в категориальном аппарате синергетики особое место занимает понятие события, фиксирующее уникальность феномена, не могущую быть схваченной в интегральной формулировке общего закона («уникальное событие», «сингулярное событие», – в постмодернизме, «локальное событие», «единичная флуктуация» – в синергетике);

4) метод идиографизма не просто выдвигается современной культурой на передний план, но и претендует на статус универсальной методологии, – наряду с сохраняющим значение номотетизмом;

5) основанная на дихотомии номотетического и идиографического методов оппозиция естественнонаучного и гуманитарного познания теряет свою жесткость, открывая горизонты возможностей для нового междисциплинарного диалога.

Список литературы

1. Арндт, Х. Ситуация человека. Разделы 24–26 главы V / Х. Арндт // Вопросы философии. – 1998. – № 11. – С. 31–141.
2. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Академия, 1995. – 298 с.
4. Делез, Ж. Складчатость или внутреннее мысли / Ж. Делез // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интертекстуальности, коммуникации, диалога. – Минск: «Менск», 1997. – С. 226–252.
5. Клоссовски, П. Симулякры Жоржа Батая / П. Клоссовски // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – С. 79–89.
6. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 140–158.
7. Моисеев, Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 32–45.
8. Пригожин, И. Переоткрытие времени / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 3–19.
9. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
10. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
11. Риккерт, Г. Философия жизни / Г. Риккерт. – Киев: Ника-центр, Вист-С, 1998. – 506 с.

12. Фуко, М. Ницше, генеалогия, история / М. Фуко // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 78–97.
13. Leitch, V. Deconstructive criticism: an advanced introduction. London: Chichester, 1983. 290 p.
14. Poster, M. The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. 136 p.
15. Sarup, M. Identity, Culture & postmodern World. Edinburg: Edinburg Univ. Press, 1998. 192 p.

**CRITICISM OF UNIVERSALISM IN MODERN SCIENCE:
PARALLELISM OF NATURAL SCIENTIFIC AND HUMANITARIAN
PROJECTIONS**

M.A. Mozheiko *

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus

E-mail: marina-mojeiko@yandex.by

***Abstract.** Among the methodological transformations of modern science, an important place is occupied by the rejection of rigid nomotics and an orientation towards idiographic ways of describing an object. The article reveals the prerequisites for the formation of this attitude and demonstrates that this process takes place both within the framework of natural sciences (in synergetics) and in the context of humanitarian studies (in postmodern philosophy).*

***Keywords:** universalism, nomothetics, nonlinearity, synergetics, postmodernism, idiographism.*

---

* *MOZHEIKO Marina Alexandrovna* – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Methodology of the Humanities Belarusian State University of Culture and Arts.